

БРЕЙШИТ

«В начале сотворения Всесильным неба и земли...» - этими словами открывается Пятикнижие. Во всем изобилующем загадками тексте эта фраза - одна из самых непонятных. Она содержит в себе тайну Творения, разгадать которую пытаются с незапамятных времен. Сама Тора, однако, не торопится прийти нам на помощь в постижении того, как, зачем и почему была сотворена вселенная. Более того, в Талмуде сказано, что от слов «В начале сотворения...» и до завершения рассказа о Творении смысл повествования отнюдь не в передаче знания, но в восхвалении Всевышнего, трансцендентного и непостижимого, а вот весь остальной текст - «для исследования и изучения».

Итак, тайна Творения в принципе не может быть постигнута человеком. Зачем, в таком случае, о нем вообще говорится в Торе? С точки зрения нашей традиции - для того, чтобы дать нам ориентиры для истинной оценки окружающей реальности, сообщить критерии отношения к миру и происходящему в нем. Материалистическое мировоззрение, отрицающее существование Высшей силы, обладающей волей и способностью творить «нечто» из «ничто», рассматривает все сущее как комбинацию элементарных частиц. С этой точки зрения выработанные человечеством нравственные ценности и этические нормы оказываются относительными, «надстройкой». Если атеист интеллектуально честен, он не может не признать, что не в состоянии дать четкое определение понятиям «добро» и «зло». Эта мысль однажды была сформулирована философом Бертраном Расселом: «Я не знаю, каким образом можно опровергнуть предположение об относительности морали. С другой стороны, мне трудно поверить, что единственное, чем нехороша разнузданная жестокость, это то, что мне она не по нраву». Тора, свободная от сомнений такого рода, однозначно констатирует: если Б-г - Источник мироздания, то Его Тора - нравственный закон для всего человечества. То, что мы читаем в начале текста Пятикнижия, - ключ к пониманию цели, бытия и гармонии всего сотворенного.

Наука не смогла ни опровергнуть религиозную концепцию, ни дать свой ответ на вопрос о причинах возникновения Вселенной и о природе этого процесса. Добросовестный ученый, искренне ищущий истину, возвращается в результате своих поисков к словам «В начале сотворения...» Роберт Ястров, один из ведущих сотрудников американского Управления космических исследований, так сформулировал эту мысль в своей книге: «Для деятеля науки, живущего верой в силу логики, все может кончиться как в дурном сне: он штурмует вершины, одну за другой, вот он уже на пути к высочайшей из них. И тут-то, когда он взобрался, наконец, на самый пик, его приветствует компания раввинов, которые сидят там уже многие сотни лет».

Ноах

У рода людского было два прародителя: первый - Адам, второй - Ноах. Разрушение мира, гибель всего человечества, кроме одной уцелевшей семьи, стали прямым следствием пренебрежения той системой ценностей, которая должна была лечь в основу существования человеческого сообщества: «И растлилась земля пред Всесильным, и наполнилась земля злодеянием. И увидел Всесильный землю, и вот: растлилась она, ибо извратила всякая плоть свой путь на земле» («Брейшит», 6:11,12). Еврейские источники содержат ужасающие описания нравственного падения поколения, жившего перед потопом. Лишь тогда, когда люди перешли все мыслимые пределы низости и жестокости, Творец решил, что они безнадежны и пришла пора уничтожить все созданное. Приговор не коснулся семьи единственного человека, отказавшегося следовать за остальными: «И сказал Всесильный Ноаху: "Определен Мною срок [гибели] всякой плоти, ибо земля переполнена злодейством из-за них, и вот уничтожаю Я их вместе с землею... Войди вместе со всей семьей твоей в ковчег, ибо тебя увидел Я праведным предо Мною в этом поколении"» (там же, 6:13;7:1). У человечества остался шанс уцелеть лишь потому, что у Адама нашелся все же один-единственный потомок, оказавшийся достойным стать предком всех народов, заселивших землю после потопа.

Ноах, как и повелел ему Всевышний, построил ковчег и собрал в него по паре животных каждого вида. По завершении этой работы наступила катастрофа: «На шестисотом году жизни Ноаха, во второй месяц, семнадцатого числа, - в этот день разверзлись все родники великой бездны и окна небесные открылись... И стер [Всевышний] все сущее с лица земли - от человека до животного, и пресмыкающегося, и птицы небесной, - были стерты они с земли, и остались [в живых] лишь Ноах и те, кто [был] с ним в ковчеге. И поднимались воды над землей сто пятьдесят дней» (там же, 7:11,23,24).

Как искупить грехи тех, кто пограл сами основы морали? Только взрастив новое поколение, которое

будет жить в соответствии с ними. Забывая о своих собственных потребностях, Ноах и его близкие делали все, чтобы каждому созданию Б-жьему был обеспечен в ковчеге максимальный комфорт. Вот как описывает мидраш происходившее там: «Все двенадцать месяцев, проведенных в ковчеге, не смежал Ноах веки, ни сам он, ни сыновья его, ни днем и ни ночью. Потому что постоянно заботился он о животных, бывших с ним, и кормил их, давая каждому зверю и птице их пищу в привычные для них часы. Есть звери, которые едят в первый час дня, есть такие, которые [едят] во второй, есть и такие, которые [едят] в последнюю треть ночи, - и всем давал он их пищу в нужный час» («Танхума»). Для единственной уцелевшей семьи приоритет нужд окружающих над их собственными, даже если речь шла лишь о бессловесных тварях, был законом существования. Воинствующий эгоизм сыновей того поколения не растлил их. Именно этим Ноах и его семья убедили Творца дать миру еще один шанс. Всей жизнью своей праведник Ноах доказал, что достоин стать прародителем нового человечества.

Лех леха

Этой главой заканчивается «общеисторическая» часть Торы, содержащая рассказ о сотворении мира и прародителях человечества, и начинается рассказ об истории нашего народа.

«И сказал Бог Авраму: "Уходи из страны твоей, с родины твоей, из дома отца твоего - в страну, которую укажу тебе. И сделаю тебя великим народом, и благословлю тебя, и возвеличу имя твое, и ты [сам] будешь благословением"» («Брейшит», 12:1,2). Аврам, названный впоследствии Аврагамом, жил среди идолопоклонников и, как рассказывает нам мидраш, с детства пытался осмыслить окружающий мир, пока не пришел к твердому убеждению, что его создал и им управляет единый Творец. И лишь после этого Всевышний Сам открылся ему и повелел оставить родину, порвать семейные и общественные связи, отправиться в чужую неизвестную землю и жить там по Его законам, уча других вере в единого Б-га. Но в связи с этим возникает вопрос: разве для достижения этой цели не лучше бы было остаться там, где у Аврама есть налаженные связи и годами укреплявшийся авторитет? Разве не было опасности того, что обособление Аврама приведет к отчуждению от окружающих его семьи и новообращенных? Ответ на этот вопрос был дан Самим Всевышним: «...и благословляться будут тобой все племена на земле» (там же, 12:3). С этого начался подвиг Аврагама, и в этом - предназначение его потомков: стать «светочем для всех народов». Но именно для того, чтобы явить человечеству пример служения Творцу, Аврагаму необходимо было порвать со своим прошлым, оставить привычную среду. Для достижения этой цели необходимо было стать иври, как впоследствии назвали нашего праотца. В переводе это слово означает «с другой стороны», как объясняли наши мудрецы: весь мир - с одной стороны, а он - с другой. Один известный историк, отнюдь не принадлежавший к числу наших доброжелателей, писал: «Я осмелюсь предположить, что иудаизм еще принесет миру весть. Дважды в истории человечества евреи становились свидетелями того, как чужие люди толковали их веру и распространяли ее по всему свету. Я имею в виду христианство и ислам. Не насмешка ли это судьбы, что чужаки должны были взять несколько принципов от иудаизма и толковать их потом по-своему? Неужели сам иудаизм в его исконной форме не возвестит по всему свету свою Тору в ее первоначальном виде, не перекроенную на христианский или мусульманский лад? Не предпочтительней ли христианского или мусульманского монотеизма еврейская избранность? Не станет ли она великим подарком евреев миру в будущем?»

Ваера

Заслуга праотцев народа Израиля в том, что они смогли передать в наследие потомкам свою веру и жизненные принципы, полученные от Творца. И первым в этой плеяде был Аврагам, все существо которого было преисполнено милосердием и любовью к ближнему. В начале этой главы Тора приводит историю, прекрасно иллюстрирующую это:

«И открылся ему Бог в дубраве Мамрэ - а он сидел у входа в шатер знойным полднем. И поднял он глаза, и увидел: вот три человека стоят перед ним. И, увидев, побежал он навстречу им от входа в шатер и поклонился до земли. И сказал: "Господа мои!.. Если я обрел благоволение в глазах твоих, сделай милость, не пройди мимо слуги твоего. Вам принесут немного воды, и, пожалуйста, омойте ноги, [сядьте] под дерево и прислонитесь к нему. А я принесу краюху хлеба, и вы подкрепитесь, а потом пойдете..." ...И поспешил Аврагам в шатер, к Саре, и сказал [ей]: "Поторопись, три меры муки, лучшей муки замеси и сделай лепешки". И к стаду побежал Аврагам, взял теленка хорошего, нежного

и отдал слуге, и тот поспешил приготовить его. И взял [Аврагам] сливочного масла, и молока, и теленка, которого приготовил, и поставил перед ними, а сам стоял подле них под деревом. И они ели» («Брейшит», 18:1-8).

Чтобы по достоинству оценить его усилия, следует вспомнить обстоятельства, при которых все это происходило. Предыдущая глава завершается изложением заповеди обрезания, полученной Аврагамом, - печати Завета, которой он отметил свою плоть. Теперь Завет со Всевышним не только запечатлен в его душе, но и отмечен знаком на теле. Мидраш рассказывает, что описываемые в этой главе события происходили в период, когда дует хамсин - иссушающий ветер пустыни, на третий день после обрезания, когда боль становится особенно острой. При этом Аврагам, человек в годах, богатый и всеми уважаемый, вместо того чтобы отдыхать в тени шатра, сидит именно у входа, под палящим солнцем. Для чего? «До обрезания, - размышлял он, - всегда заходили ко мне путники. Неужели теперь, после этого, никто ко мне не придет?» («Мидраш раба»). Мысль о том, что его недомогание не позволит исполнить заповедь о гостеприимстве, причиняла ему большее страдание, чем физическая боль. Собравшись с силами, покидает Аврагам сень шатра, чтобы высмотреть на горизонте путников, которых он смог бы пригласить к себе.

Если попробовать проанализировать нашу главу на более глубоком уровне, то величие праотца Аврагама предстанет пред нами еще более наглядно. Она открывается рассказом о явлении ему Всевышнего, что в глазах человека, посвятившего свою жизнь служению Создателю, является, безусловно, величайшей ценностью. Однако диалог Аврагама с Творцом внезапно прерывается повествованием о встрече с ангелами. Комментаторы утверждают, что Аврагам, слуга Б-га, предпочел Б-жественному Откровению исполнение заповеди гостеприимства, приняв кочевников, - а именно в этом облике к его шатру явились ангелы. Для Аврагама в подобном поведении нет никакого противоречия, здесь не было дилеммы: именно в исполнении воли Творца, выраженной в Его заповедях, и состоит смысл жизни для такого человека. Сказали об этом мудрецы: «Исполнение заповеди гостеприимства выше, чем Откровение».

«И было так: после этих событий Всесильный, испытывая Аврагама, сказал ему: "Аврагам!" И тот ответил: "Вот я!" И Он сказал: "Возьми-ка сына твоего, единственного твоего, которого ты любишь, - Ицхака, - и пойдя в страну Мория, и принеси его там в жертву всежжения на одной из гор, которую Я укажу тебе". И встал Аврагам рано утром, и оседлал осла своего, и взял с собою двух слуг и Ицхака, сына своего, и наколот дров для [принесения] жертвы всежжения, и встал, и пошел к месту, о котором сказал ему Всесильный» («Брейшит», 22:1-3). Этими словами Тора начинает рассказ об одном из самых важных и трудных для понимания событий в жизни наших праотцев, сыгравшем едва ли не основную роль в формировании всей дальнейшей истории нашего народа.

На протяжении всей жизни Аврагама он противостоял миру язычества, боролся с идолопоклонством и его практикой человеческих жертвоприношений. Лишь помня об этом, мы можем оценить значимость происшедшего при жертвоприношении Ицхака.

Вопрос, сформулированный однажды Сократом: «Является ли праведность объективным достоинством или же все, что мы сейчас считаем достоинством, - засчитывается как праведность?» - Аврагам ответил всей своей жизнью уже задолго до греческого философа: праведность - это исполнение заповедей Всевышнего, и она - объективна. Воля Творца абсолютна и неизменна, и человек должен выполнять ее без возражений и колебаний (вспомним, как ответили Создателю евреи во время дарования Торы: «Сделаем - и пойдем», - т.е. сначала выполним Твой приказ, а потом уже пойдем, в чем его смысл). Аврагам не знал, будет ли доведено до конца жертвоприношение, то, что Г-сподь не собирается принимать его жертву, ему стало ясно значительно позднее: «...не поднимай руку на юношу... не делай ему ничего, ибо Я уже узнал теперь, что боишься ты Всесильного...» («Брейшит», 22:12). Но полное непонимание смысла полученной им заповеди и ее противоречие всему тому, что он проповедовал в течение жизни, ни на секунду не остановило его. Здание еврейской веры строится на полном и безусловном принятии людьми воли Всевышнего и демонстрации ее всему миру.

Хаей-Сара

Титулование в еврейской традиции никогда не было проявлением лести или восточной ментальности с ее склонностью к пышным и цветистым оборотам речи. Только Аврагама, Ицхака, Якова, Сару, Ривку, Рахель и Лею величают «праотцами» и «праматерями», в это число не включены даже

родоначальники колен Израиля. Они так названы потому, что именно сочетание присущих им качеств и образовало то, что мы называем ныне еврейским национальным характером. Текст Торы дает нам ключ к пониманию свойств натуры этих исключительных людей, перешедших по наследству к их потомкам - нашему народу.

Элиэзер, слуга Авраама, был послан на поиски невесты для Ицхака, сына своего хозяина. Прибыл он в Арам-Нағараим (в местности, называемой Харан) и отправился к колодцу, центру общественной жизни в любом поселении того времени «...под вечер, ко времени выхода девушек за водой» («Брейшит», 24:11). Там он обратился к Б-гу: «Пусть девица, которой я скажу: "Наклони кувшин свой, и я напьюсь", - и она ответит: "Пей, я и верблюдов твоих напою", - будет той, что определил Ты слуге Твоему Ицхаку, - и так я узнаю, что Ты сделал милость моему господину» (там же, 24:14). Это был своего рода тест: Элиэзеру важно, чтобы доброта невесты Ицхака была естественной, а не показной. Он задумал попросить ее утолить жажду лишь его самого, но если девушка сама предложит напоить еще и верблюдов, она продемонстрирует истинную щедрость души. И вот, не успел он еще завершить молитву, как «...выходит Ривка... с кувшином на плече... и поспешил слуга навстречу ей, и сказал: "Позволь мне выпить немного воды из кувшина твоего". И ответила она: "Пей, господин мой!" - и быстро спустила кувшин свой на руку и напоила его. Напив же его, она сказала: "И для верблюдов твоих начерпаю, пока не напьются вдоволь". Она быстро опорожнила кувшин свой в корыто и побежала опять к колодцу за водой, и начерпала для всех верблюдов его» (там же, 24:15,17-20). Именно такая девушка, доброта которой - органическое свойство души, оказалась достойной войти в семью Авраама в качестве жены его сына Ицхака и стать праmaterью еврейского народа.

«И умерла Сара в Кирьят-Арбе, он же Хеврон, в стране Кнаан. И пришел Авраам скорбеть по Саре и оплакать ее» («Брейшит», 23:2). Авраама, только что вернувшегося после тяжелого испытания - жертвоприношения Ицхака, дома ждало горе. Он потерял жену, спутника, друга и единомышленницу, и хочет похоронить ее с подобающей честью. Праотец, конечно же, помнит обещание Всевышнего: «Тебе Я дам ее [страну]», - но предстает перед сыновьями Хета в роли покупателя, чтобы приобрести у них пещеру Махпела за полную стоимость: «...и отвесил Авраам Эфрону серебро, о котором тот говорил в присутствии хетов, - четыреста шекелей серебра, принимаемого [всеми] торговцами» (там же, 23:16). Мидраш рассказывает, что Авраам был подвергнут десяти испытаниям. Принято считать, что последним из них было принесение в жертву Ицхака, но некоторые источники утверждают, что десятым, завершающим испытанием Авраама была покупка участка для захоронения Сары, хотя он знал, что эта земля обещана ему Творцом. Возникает вопрос: неужели заплатить за место для могилы труднее, чем принести в жертву единственного сына? В чем смысл десятого испытания для Авраама, уже выдержавшего и не такое в истории с жертвоприношением Ицхака? Мидраш говорит: «Посмотри на смирение Авраама. Всевышний пообещал ему и его потомкам землю, а сейчас он должен заплатить за место захоронения Сары большие деньги. И он не сомневается во Всевышнем» («Мидраш га-гадоль»). Полный контроль разума над эмоциями - одно из требований еврейской морали. У Авраама такая способность была ярко выражена, и последнее из посланных ему испытаний было нагляднейшим тому примером.

Голдот

У Ицхака и Ривки родились два сына: близнецы Яков и Эйсава, начавшие борьбу друг с другом еще в утробе матери, - и с тех пор и они, и их потомки не переставали вести ее между собой. И родительская любовь была поделена между ними: «И Ицхак любил Эйсава... а Ривка любила Якова» («Брейшит», 25:28). Непростой была любовь Ицхака к Эйсаву, но все же именно в нем отец видел продолжателя дела всей своей жизни. И вот настал решающий день, когда Ицхак собрался благословить своего первенца - разумеется, Эйсава. Ему и в голову не приходило, что его могут обмануть в собственном доме, что второй его сын «перехватит» первородство у первого. Что же делает любимая жена Ривка, мать его детей? Она потихоньку подзывает Якова, прямо-таки заставляет его облачиться в одежды брата и подать отцу кушанья, какие обычно приносил тому Эйсава. И в таком виде Яков предстает перед отцом, чтобы обманом заполучить его благословение, предназначенное первенцу.

Но как же Ривка могла поверить в то, что благословение, отнятое у другого хитростью, может иметь какую-либо духовную силу? Чего ждать от такого благословения, кроме горя и позора? Неужели она, мать, не понимала, что Эйсава скоро вернется и ложь откроется?

Но у Ривки не было выбора. Она просто обязана была указать мужу на его заблуждение, дать ему понять, что Эйсава недостоин быть духовным преемником отца, что все его добродетели фальшивые, показательные. Каким образом? Только обманув Ицхака - в расчете на то, что, увидев, насколько неверны

его оценки как домочадцев, так и их возможностей, он призадумается и, возможно, переоценит мотивы поведения всего своего окружения, в том числе и Эйсав. Так оно и случилось. Когда Эйсав вошел к Ицхаку и отец понял, что обманут, - «...содрогнулся Ицхак в несказанном ужасе...» (там же, 27:33). Ему внезапно открылась правда, он понял, как часто ошибался в простодушии своем, и имел смелость признать это - вот почему он подтвердил благословение, данное Якову: «...пусть же будет он благословен!» (там же).

Ваецэ

Яков вынужден бежать из родительского дома, спасаясь от брата, который хочет его убить. Он идет в Харан, на родину матери, в дом своего дяди Лавана. В пути, во время сна, ему открывается Всевышний. «И приснилось ему: вот лестница стоит на земле, а верх ее достигает неба; и вот ангелы Всесильного поднимаются и спускаются по ней. И вот Бог стоит над ним и говорит: "Я - Бог, Всесильный Авраама, отца твоего, и Всесильный Ицхака. Землю, на которой ты лежишь, тебе отдам и потомству твоему"» («Брейшит», 28:12,13). В чем смысл этого сна?

Яков переживает труднейший период своей жизни. Он покидает родину, спасаясь бегством, чтобы сохранить свою жизнь, а впереди у него - лишь новые лишения и тяготы. Всевышний показывает Якову лестницу, вертикально поднимающуюся от земли к небу, - знак того, что нижний, физический мир со всеми его тяготами связан с высшими, духовными мирами. Идя праведными путями в своей земной жизни, Яков тем самым будет подниматься по этой лестнице. Оставаясь верным Творцу и полученным от отца и деда заповедям, он обнаружит, что дорога, ведущая его вдаль, на самом деле - лестница, ведущая вверх, к Б-гу.

...Итак, праотец Яков направляется в Харан, где живет его дядя Лаван, и там находит свою великую любовь - Рахель. «А у Лавана две дочери, имя старшей - Леа, имя младшей - Рахель. А у Леи глаза слабые, Рахель же была статной и красивой» («Брейшит», 29:16,17). С этого момента мы следим за развитием волнующей драмы. За право жениться на Рахели Лаван потребовал от Якова тяжелейшего труда на себя на протяжении семи лет. Тот так горячо любил Рахель, что эти годы пролетели для него как несколько дней. Когда же пришел срок, Лаван собрал всех жителей Харана на свадебный пир и осуществил свой бессовестный план: «И собрал Лаван всех людей округа и устроил пир. Вечером же взял он дочь свою Лею и ввел ее к нему, [Якову], и тот вошел к ней... А утром было так: [увидел Яков, что] вот - это Леа. И сказал он Лавану: "Что это ты сделал мне?.. Зачем ты обманул меня?" И сказал Лаван: "Не делается так в наших местах - выдавать замуж младшую прежде старшей"» (там же, 22,23,25,26). Лаван предложил зятю работать за Рахель еще семь лет. Непонятно, однако, как человек, проживший в доме обманщика так долго, мог быть столь простодушным, что позволил себя провести. Яков, тем не менее, вовсе не был наивным и знал Лавана достаточно хорошо, чтобы принять необходимые меры предосторожности. Он и Рахель условились об особых знаках, по которым он мог бы безошибочно определить, что к нему пришла именно она, Рахель. Тем не менее, случилось вот что: «Передал Яков знаки Рахели, а когда она увидела, что вместо нее уведут Лею, сказала: "Сейчас опозорена будет сестра моя". Пошла она и передала ей эти знаки» (Талмуд, «Мегила»). Эта прекрасная женщина пожертвовала любовью, надеждами и счастьем ради того, чтобы спасти от позора и унижения сестру. Такова Рахель - праматерь нашего народа.

Ваишлах

Якову предстоит судьбоносная встреча с Эисавом. В ночь, предшествующую ей, произошло чудесное событие: «И остался Яков один, и боролся с ним кто-то до утренней зари. И увидел [тот], что не одолевает его, и тронул его бедренный сустав - и вывихнулся бедренный сустав Якова, когда он боролся с неизвестным. И сказал [тот]: "Отпусти меня, ибо занялась заря". Но ответил [Яков]: "Не отпущу тебя, пока не благословишь меня". И спросил тот его: "Как имя твое?" И он ответил: "Яков". И сказал [тот]: "Не Яков [будет] отныне имя твое, а Израэль, ибо ты боролся и с ангелом, и с людьми и победил"» («Брейшит», 32:25-29).

Из слов того, кто боролся с Яковым, мидраш выводит, что это был ангел-хранитель Эйсав. Неизвестно, происходило ли все это наяву или было пророческим откровением - как бы то ни было, Рамбам, один из величайших комментаторов Торы, видит в этой битве борьбу прародителя евреев с духовным покровителем других народов мира. Яков побеждает в ней и удостоивается имени Израэль

благодаря своей способности устоять перед любыми враждебными ему силами.

В том, что эта странная борьба продолжалась до того, как занялась заря, содержится намек на историческое предназначение еврейского народа в период изгнания, который будет подобен долгой ночи перед восходом солнца. И ангел в итоге благословляет Якова, признавая тем самым, что тот заслужил право на свою особую, иную, чем у других народов, судьбу.

Рамбам сформулировал правило, ключевое для книги «Брейшит» и для еврейской истории в целом: «Деяния отцов - указание для потомков». По поводу главы «Ваишлах» он писал: «В этой главе есть еще один намек: на судьбу будущих поколений - ибо все, что произошло между Яковом и Эйсавом, - это прообраз великих и малых событий, которые будут сменять друг друга на протяжении тысячелетий в течение всей истории взаимоотношений сынов Израиля и потомков Эйсавы, евреев и остальных народов».

Есть еще один примечательный эпизод в происшедшем у реки Ябок. Яков готовится к жизненно важной для него встрече, но, тем не менее, возвращается в оставленный им лагерь, чтобы проверить, не осталось ли там забытое впопыхах имущество. Этот штрих к портрету нашего праотца свидетельствует об удивительной гармоничности и целостности его натуры, сочетавшей в себе самую возвышенную духовность и трезвое, даже прагматичное отношение к материальному миру. Именно синтез духовного и материального начал, восприятие нашего мира как единого целого, не разделенного на противостоящие друг другу аспекты, рассматривается Торой в качестве идеала бытия и является отличительным признаком иудаизма во все времена. Воплощенное в нашем праотце Якове, именно это мироощущение и послужило источником его силы в победоносном противостоянии и ангелу, и человеку, давшем ему право на имя Исраэль.

Ваешев

Эта глава повествует об одной из величайших трагедий в еврейской истории эпохи праотцев. У Якова было двенадцать сыновей, и один из них, Йосеф, отличался от всех других. Он постоянно сообщал отцу обо всех проделках братьев. Мало того: он пересказывал в кругу семьи свои сны, в которых его близкие неизменно выказывали ему почтение, никак не оправданное ни его статусом в семье, ни положением в обществе. В итоге братья возненавидели его, причем не последнюю роль в этом сыграло то, что, несмотря на такое поведение Йосефа, Яков любил его больше всех других сыновей и не считал нужным скрывать это. В конце концов, братья Йосефа продали его в рабство и он попал в Египет. Наши мудрецы утверждают, что одной из главных причин пребывания Израиля в египетском плену и других трагических событий в истории еврейского народа послужил именно этот тяжкий грех сыновей Якова. И ведь совершили его главы колен, внуки Ицхака, правнуки Авраама! Неужели только зависть заставила их так поступить?

Братья знали, что во всех предыдущих поколениях только один из сыновей праотцев становился преемником отца, они помнили историю Ицхака и Ишмаэля, Якова и Эйсавы. У них были все основания предполагать, что Яков изберет Йосефа. И дело не в том, что выбор мог пасть на недостойного, - все братья были выдающимися людьми, в этой семье вообще не было заурядных. Опасения их были вызваны подходом Йосефа к окружающему миру, основанным на бескомпромиссности, высочайшем уровне требований к себе и людям, отказе считаться с мнением окружающих, если он был убежден в своей правоте. Но продолжатель дела Авраама, Ицхака и Якова должен был служить образцом для всех окружающих, чтобы люди могли следовать его примеру. Братья же опасались, что путь Йосефа пригоден лишь для избранных и далеко не каждый сможет соответствовать подобному уровню требований, а поэтому он, по их мнению, не годился на роль лидера и преемника Якова и представлял собой прямую угрозу для продолжения дела предков. Они приняли решение любой ценой избавиться от амбициозного брата и, когда подвернулся удобный момент, продали его в рабство, чтобы он не смог стать избранником отца. Дальнейшее развитие событий доказало неоправданность их опасений. Но и сам избранный ими принцип, который оправдывает применение низменных средств для достижения высоких целей, противоречит морали Торы и не может служить оправданием совершенному преступлению. Их рвение было излишним, и они совершили грех по отношению к Йосефу, к отцу и ко всему еврейскому народу.

Микец

Йосеф сидел в египетской тюрьме двенадцать лет. Наконец ему повезло: главный виночерпий при дворце, сон которого Йосеф истолковал за два года до этого, вспомнил о нем и рекомендовал молодого еврея правителю Египта, который тщетно пытался понять смысл своих странных снов. «И послал фараон позвать Йосефа, и вывели того поспешно из ямы. И он остригся, и переменял одежду, и пришел к фараону. И сказал фараон Йосефу: "Сон приснился мне, а толкователя ему нет. Я же слышал о тебе, что ты понимаешь сны и [умеешь] их толковать"» («Брейшит», 41:14,15). Естественно, Йосефу необходимо попытаться использовать уникальную возможность выйти из заключения, доказав правителю страны, что тот в нем не ошибается, и начать совсем другую жизнь под покровительством фараона. Однако Йосеф отвечает властителю совершенно неожиданно для того: «...не я - Всесильный ответит во благо фараону» (там же, 41:16).

Владыка Египта был язычником, окружил себя всевозможными магами и колдунами, в его дворце о едином Творце, должно быть, и не слышали, но раб-еврей без тени страха заявляет о своей вере в единого Б-га, управляющего миром. И он продолжает отдавать должное Творцу: «...то, что Всевышний сделает, Он возвестил фараону» (там же, 41:25), «...это я и сказал фараону: что Всевышний сделает, то Он и показал...» (там же, 41:28), «...уготовано это Всевышним, и вскоре Всевышний исполнит это» (там же, 41:32). Мужество и преданность Йосефа оказали огромное влияние на владыку Египта: «И сказал фараон рабам своим: "Найдем ли мы человека, подобного этому, в котором дух Всевышнего?" И сказал фараон Йосефу: "Раз Всевышний возвестил тебе все это, то нет более разумного и мудрого, чем ты"» (там же, 41:38,39).

Так Йосеф, даже будучи бесправным узником, продолжал вслед за своими предками нести в мир свет веры в Б-га.

Ваигаш

В начале главы «Ваигаш» - сцена, полная драматизма: братья Йосефа стоят перед первым министром египетского фараона, обвинившим их младшего брата Биньямина в краже серебряного кубка. Этот вельможа готов освободить всех, кроме Биньямина, которого он решает оставить в Египте в качестве своего раба. Им и невдомек, что человек, с которым они разговаривают, - это Йосеф, проданный в рабство за двадцать два года до этого. Йеѓуда, упрасывая Яакова послать в Египет Биньямина, сына Рахели, любимой жены отца, пообещал ему: «Я ручаюсь за него, из моих рук потребуешь его. Если я не приведу его к тебе... то буду виноват перед тобой все дни» («Брейшит», 43:9). Он описывает Йосефу все события, происшедшие с их семьей, и просит лишь об одной милости: освободить младшего брата, а вместо него взять в рабство его самого. И видя решимость Йеѓуды нести ответственность за жизнь Биньямина, его готовность принести себя в жертву, Йосеф понимает, что перед ним стоят уже не те люди, которые были готовы пожертвовать братом для достижения своих целей. Убедившись в их раскаянии, он больше не может продолжать игру и открывается братьям.

Но почему Йосеф раньше не известил отца о том, что жив, и не избавил его от тяжких страданий - ведь тот был уверен, что сын погиб? Почему он так долго ждал?

Йосеф знал, что братья его ненавидят, и опасался, что те сумели настроить отца против него и убедить в том, что «сновидец» представляет опасность для всей семьи. Он подозревал, что отец отослал его к братьям в Шхем специально для того, чтобы те вдали от дома каким-то образом избавились от него. Тот факт, что за все годы пребывания Йосефа в Египте Яаков, который был очень богатым человеком, ни разу не отрядил туда посланников из Кнаана, чтобы разыскать и выкупить его, утвердил Йосефа в этом подозрении. Но он понял свою ошибку, услышав слова Йеѓуды: «И сказал нам слуга твой, отец мой: "Вы знаете, что двоих родила мне жена моя. И ушел один от меня, и я сказал: 'Наверно, он растерзан', - и я не видел его донныне. Если и этого заберете у меня и случится с ним несчастье, то сведете вы меня, скорбящего старика, в могилу"» (там же, 44:27-29). Именно так Йосеф узнает, что отец давно считает его мертвым и ничего не знает о продаже его в рабство.

«И не смог Йосеф удержаться при всех, стоявших около него, и закричал: "Выведите от меня всех!" И никто [из египтян] не присутствовал, когда Йосеф дал себя узнать братьям своим... И сказал Йосеф своим братьям: "Я - Йосеф, жив ли еще отец мой?" ...» (там же, 45:1,3).

Почувствовав, что он скоро умрет, Яков созвал к себе всех своих сыновей, чтобы благословить их перед смертью. Особое благословение получил Йеѓуда: «Тебя, Йеѓуда, восхвалят братья твои; рука твоя - на загривке врагов твоих; поклонятся тебе сыны отца твоего. Йеѓуда - молодой лев. От насилия ты, сын мой, отказался. Преклонился, лег он, как лев и как леопард, кто посмеет потревожить его? Не отойдет скипетр от Йеѓуды, и законодатель [не исчезнет] из поколений потомков его до [самого] прихода Шило, и будут повиноваться ему народы» («Брейшит», 49:8-10).

В этом благословении Яков обещает Йеѓуде, что еврейские цари будут его потомками и что колено Йеѓуды займет главенствующее положение в народе. Почему же именно Йеѓуда заслужил такую награду, а не, например, известный своей праведностью и добившийся высшей власти в Египте Йосеф, которому, в полном соответствии с его пророческими снами, поклонились все его братья и даже сам Яков? Мидраш объясняет это так: «Сказал Всевышний: "За то, что ты, Йеѓуда, сознался в своей неправоте в истории с Тamar, тебя восхвалят братья и признают твое право быть царем"».

Йеѓуда, у которого хватило мужества публично признать свою вину (см. «Брейшит», 38:26), доказал, что он обладает главным качеством, которое должно быть у царя Израиля: умением признавать свои ошибки, даже если это сопряжено с публичным покаянием, и исправлять их. (На это намекает и его имя: слово Йеѓуда имеет тот же корень, что и слово ѓодаа - признание.) Вместе с тем Йеѓуда умеет достойно вести себя в час испытаний, готов пожертвовать собой ради спасения других, что и доказал на деле, предложив стать рабом Йосефа ради освобождения Биньямина (см. там же, 44:33). Йосеф же - образец истинного праведника, но ему, лишенному присущих обычному человеку слабостей, трудно понять тех, кто не свободен от них. Поэтому именно Йеѓуда, на своем опыте познавший, как человек способен пасть, оступившись, и исправить содеянное, поднявшись, может быть царем Израиля, ибо царь - символ и воплощение всего народа. В истории Йосефа и его братьев содержится ответ на вопрос о том, должен ли еврейский царь быть абсолютным праведником или бааль тшува - раскаявшимся в своих грехах и вернувшимся к Всевышнему. Ответ на этот вопрос и был дан Яковом: Йосеф представляет собой идеал, царь же должен знать не понаслышке, в чем сила и слабость обычных людей, и только такой человек может быть вождем народа. Как говорили наши мудрецы: «Того уровня, на котором находятся совершившие тшуву, даже праведники достичь не смогут».